

Христiанинъ, политика и государство.*)

Слѣдуетъ ли и нужно ли христiанину заниматься политикой? И если можно, то въ какомъ смыслѣ? „Политика“ есть прежде всего выборъ извѣстной идеологiи, установленiе, какъ говорятъ, извѣстной „платформы“. Намъ нужно сознать, что такое политика съ церковной точки зрѣнiя? Для этой цѣли прежде всего надо уяснить разницу между политикой и политиканствомъ. Есть странное противорѣчiе между оцѣнкой политики и отношенiемъ къ тѣмъ, кто занимается „политической дѣятельностью“. Платонъ называлъ политику „царственнымъ искусствомъ“ и весьма низко ставилъ политиковъ. Сократъ — просто говорилъ, что „даймонъ“ (*δαίμων***) не занимается политикой. Сейчасъ въ Америкѣ и Францiи многiе выдающiеся люди уклоняются отъ политической дѣятельности, считая ее занятiемъ „низшей породы людей“.

Эта двойственность въ оцѣнкахъ связана съ тѣмъ, что политика часто подмѣняется политиканствомъ, являющимся отвратительной формой вырожденiя политики. Къ сожалѣнiю, политиканство является сейчасъ господ-

ствующей формой политической жизни.

Чтобы уяснить себѣ разницу между политикой и политиканствомъ, надо представить себѣ Господа Иисуса Христа передъ Понтiемъ Пилатомъ. Нужно помнить, что для до-христiанскаго мiра государство является высшей духовной цѣнностью; оно имѣетъ своею цѣлью создать и охранить справедливость.

Къ тому моменту, когда Господь стоитъ передъ Понтiемъ Пилатомъ подойдемъ съ точки зрѣнiя дохристiанскаго человѣка, обладающаго развитымъ нравственнымъ сознаниемъ, человѣка благороднаго въ полномъ смыслѣ этого слова; такой человѣкъ, несомнѣнно, признаетъ осужденiе Господа Иисуса Христа на распятiе — неправдой.

Это сознание съ необходимостью ставитъ передъ нимъ моральную задачу бороться за оправданiе Христа какъ святого, какъ живой личности какъ неправедно обиженнаго человѣка. Кто же въ дохристiанскомъ мiрѣ попытался бороться за спасенiе Господа? Евангельское повѣствованiе указываетъ двухъ такихъ людей — св. апостола Петра и Понтiя Пилата. Св. Апостоль Петръ бросился защищать Спасителя съ мечемъ въ рукахъ, рискуя своею жизнью. Подвигъ св. апостола Петра — попытка отдѣльнаго человѣка своими отдѣльными силами защитить невиннаго человѣка, убиваемаго го-

*) Составлено на основанiи доклада проф. Б. П. Вышеславцева и послѣдовавшихъ за докладомъ пренiй.

**) *Δαίμων* Сократа — олицетворенiе тѣхъ откровенiй и озаренiй иного мiра — мiра истины, добра и красоты, которыя посѣщали духъ Сократа, какъ бы „Божественный руководитель“ Сократа.

сударствомъ. При всѣмъ возвышенномъ благородствѣ этой попытки, она вмѣстѣ съ тѣмъ — классическое свидѣтельство того, что для отдѣльнаго человѣка это не возможно. Другой человѣкъ, пытавшійся тоже спасти невиннаго, но путемъ закона, права былъ Пилать. Мало кто обращаетъ вниманіе на то, что Евангельскія повѣствованія какъ будто ставятъ своей задачей оправдать Пилата, уменьшить его вину. И вмѣстѣ съ тѣмъ — величайшую несправедливость, совершившуюся на землѣ, перковное сознаніе навсегда связало съ именемъ Понтія Пилата — „Распятаго за ны при Понтійствѣ Пилатѣ“ . . . читаемъ мы въ Символѣ вѣры; и это не случайно.

Кто для Понтія Пилата стоящій передъ нимъ Іисусъ Христосъ? Праведникъ-невинно обвиненный. Это Пилать сознаетъ очень быстро. Видя ложь возводимыхъ на Христа обвиненій, понимая недобросовѣстность обвинителей-націоналистовъ, обвинявшихъ Христа въ томъ, что онъ называетъ себя „Царемъ Іудейскимъ“ — Пилать говоритъ имъ „Се человекъ“. Его изреченіе „Се человекъ“ не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей доли сентиментализма или обращенія къ чувствительности іудеевъ. „Тотъ, кого вы хотите неправедно убить — человекъ и на немъ нѣтъ никакой вины. Законъ, право не противъ него, а за него. Право должно взять его подъ свою защиту“ — вотъ смыслъ отвѣта Пилата.

Обвинители Господа Іисуса Христа такъ и понимаютъ отвѣтъ Пилата. Оставляя почву права, они хотятъ оказать давле-

ніе на Пилата, какъ человѣка, угрожаютъ ему политическимъ доносомъ.

„Съ этого времени — повѣствуетъ Евангелистъ Іоаннъ Богословъ — Пилать искалъ отпустить Его. Іудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не другъ Кесарю. Всякій, дѣлающій себя царемъ, противникъ кесарю“ (Іоан. 19, 12). Средство было выбрано вѣрно — предъ угрозой политическимъ доносомъ Пилать смалодушествовалъ: „взялъ воды и умылъ руки предъ народомъ и сказалъ: не виновенъ я въ крови праведника Сего; смотрите вы . . . Тогда отпустилъ имъ Варраву, а Іисуса бивъ предалъ на распятіе“ (Матф. 27, 24, 25). Въ поведеніи Пилата слѣдуетъ различать между его установкой, какъ представителя права, и его слабостью, какъ человѣка и гражданина. Если бы на мѣстѣ Пилата былъ римлянинъ временъ расцвѣта римской добродѣтели, напримеръ, Катонъ — онъ, вѣроятно, не испугался бы угрозы и предпочелъ бы пострадать, чѣмъ допустить сознательную несправедливость.

Оставляя въ сторонѣ человеческую слабость Пилата, мы должны признать, что произнося свои великія слова „се человекъ“ Пилать совершаетъ извѣстный подвигъ — подвигъ правовой — государственной защиты невиннаго человѣка „Государство — заявляетъ онъ — не можетъ убить невиннаго человѣка“.

Изъ двухъ попытокъ спасти Господа Іисуса Христа одна была осуществлена путемъ личнаго одинокаго возстанія противъ

несправедливости совершающагося, другая — путем обращенія къ принципамъ права и государства. Вторая оказалась болѣе обоснованной, болѣе дѣйственной, предъ ней должна была отступить злоба іудеевъ. Оставаясь на этой позиціи, Пилатъ былъ неуязвимъ. Онъ палъ жертвою политиканства — „видя, что ничто не помогаетъ, но смятеніе увеличивается“ (Мат. 27, 24) и „желая сдѣлать угодное народу“ (греч. τῷ ὄχλῳ „толпѣ“ „черни“) (Марк. 15, 16), предаетъ Іисуса на распятіе.

Сейчасъ — большинство политиковъ дѣйствуетъ, какъ Пилатъ: забывая о правѣ, рассматриваютъ все подъ угломъ выгоды или не выгоды: „политически не выгодно“ и поэтому — „достойнѣ смерти“.

На примѣрѣ Пилата открывается, въ чемъ цѣнность политики съ христіанской точки зрѣнія: государство является организованной силой, защищающей идею права и справедливости. Фактически — государство можетъ и извращать эту идею и часто извращаетъ, но по существу — оно должно ей служить. Въ этомъ смыслѣ должно защищать идею власти, какъ идею правовой организаціи защиты отъ зла.

Становится яснымъ, какого рода политика цѣнна и допустима съ христіанской точки зрѣнія. Христіанинъ можетъ признавать политику только ту, которая служитъ государству, какъ организаціи права, по столько, по скольку государство служитъ праву. Христіанинъ можетъ и долженъ служить только пра-

во в о м у государству. Государство, не возвышающееся по отношенію къ каждому изъ своихъ согражданъ даже до Пилатовскаго „Се человекъ“ не является государствомъ въ христіанскомъ смыслѣ слова: такое государство извращаетъ идею государства.

Церковь — по самому существу своему — метаполитична — она — выше политики, ибо церковь является болѣе высокой формой общенія, чѣмъ государство. Церковь не отвергаетъ государства, но — по отношенію къ Церкви — оно является нѣкоторой предварительной ступеню, создающей условія для болѣе высшей формы общенія. Церковь — есть союзъ любви. Но если люди еще не могутъ осуществить любви, то по крайней мѣрѣ — пусть будетъ положенъ предѣлъ ненависти каждаго къ каждому; это и осуществляетъ государство.

„Вы знаете, говоритъ Спаситель ученикамъ, — что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими; но между Вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ всѣмъ вамъ слугою, и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ (Мат. 20, 25—27). Церковь осуществляетъ иную форму власти, чѣмъ государство — она осуществляетъ власть любви.

На высотѣ любовнаго общенія не существуетъ принужденія. Съ точки зрѣнія этого идеала, государство должно быть признано низшей формой общенія, нѣкоторой ступеню къ осущест-

ствленію идеала власти любви. Задача государства осуществить право, обеспечивающее возможность вообще существования.

Поэтому, въ политикѣ, какъ жизни государства и какъ въ дѣлѣ служенія государству, существуютъ цѣнности правовыя и цѣнности политическія. Между ними должна быть проведена точная граница. Когда говорятъ — „служу вождю“, то служатъ не правовой, а политической цѣнности, и тѣмъ самымъ искажаютъ идею политики, вносятъ въ нее моментъ политиканства.

Служить можно только идеѣ правды и справедливости, и носить мечъ для защиты „вождя“ значитъ отступать отъ христ. отношенію къ политикѣ. Защищать „вождя“ можно только въ томъ случаѣ, если онъ служитъ праву. Носителю власти можно служить только подъ тѣмъ непремѣннымъ и неотмѣнимымъ условіемъ, что власть не распинаетъ Христа.

Всякая обида, нанесенная „меньшому брату“, какъ человѣку, съ большой буквы — есть обида нанесенная Христу — вотъ чего никогда не можетъ забывать христіанинъ.

Христіанство признаетъ цѣнность правового государства. Формы осуществленія принципа правового государства могутъ быть чрезвычайно различны — но правовымъ можетъ быть названо только то государство, которое принципиально защищаетъ всякую человѣческую личность, которое исповѣдуетъ что нельзя устранять человѣка только

потому, что онъ „не подходитъ“ по признаку расы, „не-пролетарскаго“ происхожденія и т. д. Извѣстный афоризмъ Каиафы — „лучше одному человѣку умереть, чѣмъ погибнуть всему народу“ — не приемлемъ для христіанскаго, для правового государства. Въ томъ случаѣ, по поводу котораго были произнесены эти страшныя слова, осужденнымъ на смерть оказался Христось. Но пусть — это былъ бы не Христось. Пусть это былъ бы послѣдній, ничтожнѣйшій человѣкъ. Можетъ ли христіанинъ согласится съ принципомъ, высказаннымъ Каиафой? Ни въ коемъ случаѣ: ибо человѣческая личность для христіанина есть самоцѣнность, которой нельзя жертвовать во имя другихъ цѣнностей.

Христіанское сознание должно все время утверждать принципъ высшей цѣнности именно человѣческой личности, какъ личности.

Слѣдуетъ подчеркнуть, что только въ свѣтѣ ученія о Церкви можно понять цѣнность государства и права, установить вѣрную іерархію цѣнностей. Между цѣнностями должно существовать извѣстное соотношеніе и соотношеніе духовно — вѣрное. Хлѣбъ — несомнѣнно — цѣнность, но совсѣмъ не высшая — ибо „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“.

Государство и право — то же цѣнности, но не послѣднія, не наивысшія и человѣкъ-христіанинъ долженъ имъ служить, „заниматься“ ими, помня ихъ мѣсто въ іерархіи цѣнностей.

Только правовое государство создаетъ внѣшнія условія, могущія благоприятствовать дѣлу Церкви.

Осуществить свободу слова, собраний, союзовъ можно только тамъ, гдѣ существуетъ и подлинно соблюдается принципъ „субъективнаго“ права, права человѣка быть „личностью“, быть „субъектомъ“ — самоцѣлью, а не „объектомъ“, — только средствомъ для другихъ цѣлей, пусть даже очень „высокихъ“.

Чтобы понять, что несетъ съ собой „субъективное“ право, надо пожить въ условіяхъ, гдѣ это право отрицается или — хотя и признается, по фактически — всѣми попирается.

Тѣ, кому пришлось жить въ Сов. Россіи, — государствѣ не правовомъ — тѣ знаютъ цѣнность субъективнаго права, знаютъ, что съ исчезновеніемъ права исчезла какая то красота и правда жизни — все оказалось какъ бы за зеркальной стѣной — я не могу быть я; я, какъ личность, — отмѣненъ.

Важно понять и то, что въ современныхъ условіяхъ рыцарскій подвигъ защиты слабыхъ и угнетенныхъ можетъ быть осуществленъ не въ формахъ отдѣльныхъ террористическихъ актовъ, а въ планомѣрной, настойчивой общей борьбѣ за осуществленіе правового государства, за развитіе и укрѣпленіе христіанскаго правового сознанія.

Трагизмъ совершающагося въ Сов. Россіи подсказываетъ рѣшеніе — „большевизмъ долженъ быть уничтоженъ какою угодно цѣною — всѣ средства для этого хороши. СССР.-самая со-

вершенная въ мірѣ организація зла и лжи — возбуждаетъ аффектъ негодованія, и въ порывѣ аффекта мы готовы сказать — „для борьбы съ этимъ зломъ всѣ способы допустимы“. Но именно этого то и не можетъ сказать христіанинъ — иначе онъ перестаетъ быть христіаниномъ; онъ унижаетъ христіанство до одного уровня съ тѣмъ, съ кѣмъ онъ хочетъ бороться.

Одно дѣло — мои чувства, мои аффекты и другое — правда Христова.

Христіанинъ не можетъ просто отдаваться своимъ аффектамъ.

Какая норма поведенія можетъ быть признана освященной съ точки зрѣнія церковности?

Отвѣтъ даетъ указанный подвигъ апостола Петра. Можно было бы броситься противъ насильниковъ съ мечомъ, подобно апостолу Петру и каждый хотѣлъ бы совершить этотъ подвигъ. Но мы не можемъ замолчать того, что сказано въ Евангеліи тому же св. апостолу Петру: „вложи мечъ въ ножны: всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ и погибнуть“.

Судя по евангельскому тексту, Спаситель какъ будто бы не особенно осудилъ поведеніе св. Апостола. Отреченіе апостола отъ Христа вызвало у него слезы раскаянія, но повидимому — св. апостолъ не оплакивалъ того, что онъ извлекъ мечъ и урѣзалъ ухо раба.

Но не осуждая св. апостола, Евангеліе говоритъ, что путь ап. Петра не достигаетъ цѣли. Онъ не есть путь подлиннаго преображенія соціального цѣлаго, путь подлинной христіан-

---

ской борьбы съ неправдой жизни. Убить двухъ, трехъ, п-ное количество людей — не значить осуществить христіанское преобразование соціального цѣлаго. Мечъ индивидуальный поэтому долженъ быть вложенъ въ ножны, но за то особенно д. б. „заостренъ“ мечъ „начальника“, мечъ правового государства и правового сознание. Послѣдній не можетъ быть вложенъ въ ножны.

При рѣшеніи вопроса объ отношеніи къ политикѣ надо исходить изъ наиболѣе объединяющей идеи —, а такой идеей и является идеаль правового государства.

Надо почувствовать и понять, что основная причина неуспѣшности борьбы со зломъ въ томъ, что у насъ нѣтъ пророческаго пафоса негодующей любви, нѣтъ пафоса непріятія зла, въ какія бы формы оно не облекалось. — У пророковъ былъ этотъ религіозный пафосъ непріятія неправедной власти, пафосъ непримиримой духовной борьбы съ неправдой властителей и государствъ. И царства падали по слову вѣры ихъ.

Вотъ что нужно имѣть въ душѣ по отношенію къ злу. Нельзя забывать того, что Савлы могутъ быть Павлами. Не создавая подробной схемы, мы должны ясно сознать, что наше рѣшеніе вопроса объ отношеніи между христіанствомъ и политической требуетъ отъ насъ борьбы за правое государство.

Сила, военная мощь, „національное величіе“, матеріальное богатство государства не могутъ и не должны насъ соблазнять и прельщать. Основное для насъ, то какъ государство осуществляетъ правду и справедливость и хочетъ ли оно ихъ осуществить, хочетъ ли оно быть „праведной землей.“

Кто защищаетъ въ политикѣ инья цѣнности, кто служитъ власти, какъ власти, кто служитъ государству, какъ олицетворенію силы, могущества, національнаго величія, внѣ отношенія власти и государства къ принципамъ права и Христовой правды, тотъ служитъ власти, осуществляющей похоть власти, служитъ государству распинающему Христа.

Церковь и государство.

Правильное положеніе Церкви въ государствѣ предполагаетъ отдѣленіе государства отъ Церкви, установленіе соотношенія между ними, какъ между нисшимъ (государство) и высшимъ (Церковь).

Правовое государство предпо-

лагаетъ формальное равенство всѣхъ гражданъ въ отношеніи свободы вѣроисповѣданія. Русская эмиграція на собственномъ опытѣ могла испытать благодѣтельность этого принципа.

Если бы въ свое время во